

Петр Козьмич ФРОЛОВ 1775 - 1839

1

В записках “На Алтае” писатель, барнаульский городской голова А. А. Черкасов приводит любопытный разговор с одним барнаульским старожилом. В ответ на его вопрос, помнит ли он начальника округа Петра Козьмича Фролова, тот ответил:

— Помню, да и как не помнить такого человека! Вот уж, откровенно говоря, была голова! Одна не бедна, да все знала до дна! Ну и власть у него была полная, не то, что теперь: один не тянет, другой не везет. Нет, у Фролова все бы из гужей повылезли, да повезли бы без подтяжки. У него бы не стали показывать пальцами, да говорить: моя хата с краю, ничего не знаю. Не стали бы задирать голову, как нынешние мировые, да, не понимая, в чем состоит настоящая гуманность, потакать каждому прохвосту, нет!..

Петр Козьмич, сын знаменитого гидротехника-изобретателя Козьмы Дмитриевича Фролова, родился в Змеиногорской крепости. В восьмилетнем возрасте вместе со старшим братом Павлом был отвезен отцом в Санкт-Петербург, в Горное училище (ставшее потом

Горным институтом). Там он провел 10 лет, в июне 1793 г. вернулся на Змеиногорский рудник шихтмейстером и был определен “при наружных и внутренних работах”, под начало отца.

Но держать сына у себя под крылышком было не в правилах Козьмы Дмитриевича. Его стараниями Петр Фролов оказался сначала на дальних рудниках, затем на Сузунском заводе, “у смотрения заводских плавильных и надворных работ”.

В 1798 г. его направляют в дальнюю командировку – закупить свинец на Нерчинских заводах, а заодно разведать более короткий и дешевый путь для его доставки. Свинца закупалось ежегодно до 40 тысяч пудов, и его перевоз влетал в копеечку. Фролов блестяще справился с задачей. Он доставил свинец в основном по воде – Байкалу, Ангаре, Енисею, притоку Оби р. Кеть и самой Оби, всего с двумя перегрузками, разведав этот путь вместе с картографом Н. Е. Корелиным.

В Барнаул Петр Козьмич вернулся лишь весной 1801 г. Здесь узнал о смерти отца, посетил его могилу на Нагорном кладбище, установил надгробный памятник ему...

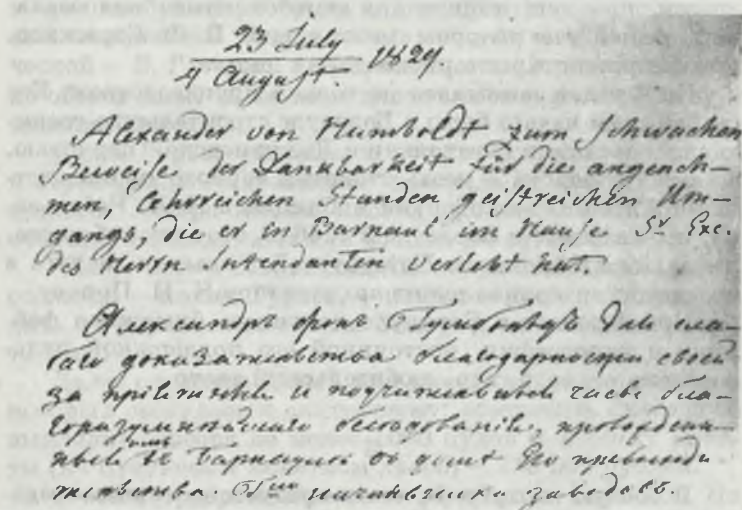
В последующие годы Петр Фролов ведал Главной чертежной, лесным хозяйством, организацией сплава руды по Иртышу на изобретенных им судах. 15 января 1806 г. он предоставил начальнику округа В. С. Чулкову проект чугунорельсовой дороги между Змеиногорским рудником и Змеевским заводом. Протяженность ее составляла 1883 м. Это была первая в России железная дорога. Движение “тележек” по ней (всего их было три) началось 24 августа 1809 г. В каждую тележку загружалось 150 пудов руды. По подсчетам Н. Я. Савельева, дорога заменила 3000 крестьян. Она была лишь частью разработанного Фроловым грандиозного проекта водно-рельсового пути от Змеиногорского рудника до Барнаульского завода. Но начавшиеся изыскания вскоре были приостановлены руководством округа.

В 1808 г. Петр Фролов проделал большую работу по упорядочению казенной библиотеки: провел инвентаризацию, разработал новую систему учета книг и правила пользования ими.

В сентябре 1811 г. он был переведен в Санкт-Петербург начальником чертежной экспедиции горных

края. Отдельные коллекции в городе существовали раньше: минералогическая – при Горном училище, флоры и фауны, собранная Ф. В. Геблером и его учениками, – при горном госпитале, физических и горноизмерительных инструментов – при Главной чертежной, моделей машин и станков – при управлении округа. Сам Петр Фролов собрал прекрасную коллекцию древностей, художественных предметов, старинных книг и пр. У него была неплохая картинная галерея. Все эти коллекции Петр Козьмич еще в 1823 г. любовно называл Барнаульским музеумом, а 13 июля 1827 г. по его приказу они были объединены в одно учреждение с тем же названием. Первым приставом (директором) музеума был назначен шихтмейстер В. И. Тистров, дед Н. К. Крупской по матери.

Особо следует сказать о коллекции моделей машин, станков, механизмов, изготовленных по приказу Фролова к 100-летию горного дела на Алтае (1825). Всего было изготовлено 43 модели, в их числе модель “огнен-

23 July 1829.
4 August.

Alexander von Humboldt zum schwachen
Beweise der Dankbarkeit für die angeneh-
men, lehrreichen Stunden geistreichen Um-
gangs, die er in Barnaul im Hause Sr. Ex.
des Herrn Intendanten verlebt hat.

Александр фон Гумбольдт для ма-
лого доказательства благодарности своей
за приятные и поучительные часы про-
сражения в Барнауле, которые он провел
у г-на Интенданта.

Рис. 12. Запись Александра фон Гумбольдта в книге “Собственно-ручные подписи особ, почтивших своим посещением Барнаульский музеум”

ной машины” И. И. Ползунова (проект 1763 г.). К сожалению, до нашего времени сохранилась лишь незначительная их часть.

С 1822 г. обязанности Томского гражданского губернатора стали возлагаться по совместительству на начальника Колывано-Воскресенских заводов. Став губернатором, Фролов часто проводил внезапные ревизии земских управителей, сельских старшин и старост. Он не имел привычки заранее извещать о своем прибытии и сваливался как снег на голову. Взятчики и казнокрады получали через суд по заслугам. Именно в это время, по свидетельству Н. М. Зобнина, родилась среди чиновного люда поговорка: “Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Козьмича”.

4

Менее освещена, по крайней мере на Алтае, деятельность Петра Фролова как собирателя и знатока старинной русской, в том числе рукописной книги, архивных документов и т. п. Увлечся он этим еще во время командировки на Нерчинские заводы в 1798–1800 гг., а потом продолжил собирательство в Барнауле и поездках по России в годы службы в Петербурге. В 1817 г., уезжая из столицы на Алтай, он продал Публичной библиотеке (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) свою коллекцию за 20 тысяч рублей. В ней насчитывалось более двухсот старинных рукописей, книг и свитков на многих европейских и восточных языках, географические атласы, карты и пр. В их числе были 7 пергаментных рукописных книг (из них одна греческая), 10 русских книг XV в. и 14 – последующих столетий, до XVIII в. включительно.

Фролов продолжил сборы и в Барнауле. Ледебур, посетивший наш город в 1826 г., отвел почти две страницы своей книги описанию новых собраний Фролова, отметив, что “он своим образованием и любовью к искусству дал жизни и вкусам барнаульского общества совершенно иное направление”.

Археологическую коллекцию Фролов передал потом в музей, часть находок раздарил путешественникам, часть, по предположению Н. Я. Савельева, время от времени отсылал в Кабинет, где они попадали к его другу Г. И. Спасскому. Известно, что Спасский опубли-

ковал в своем журнале несколько рукописей, любезно предоставленных ему Фроловым.

Петр Козьмич был не только собирателем, но и авторитетным знатоком книжной старины. Директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин в письме к одному знакомому в 1813 г. сообщал, что прочел одно неразборчивое место в древнерусской грамоте “с помощью двух искренних любителей российских древностей г. г. Ермолаева и Фролова”. Петра Козьмича он поставил рядом с человеком, который учил читать древнерусские рукописи самого Н. М. Карамзина!..

В конце 1829 г. Фролов неожиданно подал в отставку. Подлинная причина ее нигде не названа. Серьезных упущений по службе за ним вроде бы не водилось. По предположению Н. Я. Савельева, Фролов увидел “в предполагаемой передаче заводов в аренду министерству финансов стеснение своей деятельности”, а возможно, “отставка была связана с недовольством Кабинета теми мероприятиями, которые он осуществлял как начальник заводов и гражданский губернатор”.

Мне эти предположения кажутся неубедительными хотя бы потому, что опального чиновника не стали бы в Петербурге производить в тайные советники и сенаторы, как это случилось с Фроловым.

На мой взгляд, все было проще: министр финансов Е. Ф. Канкрин, принимая Колывано-Воскресенские заводы в свое ведение, решил поставить во главе их человека, которого лучше знал и в выдающихся деловых качествах которого не раз имел случай убедиться. Выбор его пал на Е. П. Ковалевского. Но это лишь мое личное предположение.

5

В апреле 1831 г., сдав дела, Петр Козьмич выехал в Санкт-Петербург, навсегда покинув Алтай. Перед отъездом он сделал щедрый дар Дмитриевской церкви — полный набор всего необходимого для церковной службы: пять риз и подризников для священников, плащаницу, хоругви, епитрахили, стихари, одежды (покрывала) на престол, жертвенник и пр., серебряные и позолоченные подсвечники, кадило, различные сосуды, шесть пудов свеч, три пуда ладану и т. д. Полный перечень этого занял бы не одну страницу. Даже одну

дьяконскую вдову нанял за 20 рублей в год печь просфоры для церкви.

Он подарил свыше двух десятков образов, 14 из которых были сделаны по его заказу и, разумеется, за его счет.

Особую ценность, на мой взгляд, представляют 23 картины на библейские темы иностранных и русских художников. Часть их подлинники: "Иаков, напояющий овец у Лавана" Н. Пуссена, "Христос, благословляющий младенцев в храме" Лафранка, "Симеон богоприимец" Доньчи, "Святой Иероним" и "Саваоф" М. И. Мякова, "Давид и Авигея, жена Навала" Билерта. Наверно, это была лишь часть картинной галереи П. К. Фролова, о которой упоминается (к сожалению, без подробностей) в ряде публикаций о нем.

Между прочим, три из этих картин Тобольская консистория предложила вынести из церкви в ризницу. Причины указаны такие: в картине "Иаков, напояющий овец у Лавана" у Рахили обнажены плечи и грудь; тот же "недостаток" в картине "Христос, благословляющий младенцев в храме". Вдобавок там все младенцы нагие, а внизу – бегущая собака; в картине "Авигея, жена Навала" Авигея, принесла плоды и вино, стоит на коленях, "умиловливает Давида".

Дмитриевская церковь, как известно, была самой первой закрыта большевиками еще в 1920 г. Часть ее художественных и религиозных ценностей, вероятно, растащена, другая просто уничтожена в порядке борьбы с религиозным дурманом. А что сейчас представляет собою этот поруганный храм – сходите на площадь Спартак и посмотрите, если кто не видел...

6

Был в деятельности Фролова один любопытный факт, по-видимому, малоизвестный жителям Алтая. Связан он с декабристами. "Раскопал" его в одном из центральных архивов исследователь С. В. Кодан и опубликовал в сборнике "Сибирь и декабристы", изданном в Иркутске в 1981 г. Вот коротко его суть.

Поначалу декабристов, осужденных к каторжным работам, иркутский губернатор Горлов, не получив точных указаний, разослал по ближайшим к Иркутску заводам. За такую мягкость Горлов, по приказу разгне-

ванного царя, был снят с должности и отдан под суд, а декабристов отправили на Нерчинские рудники, где их заковали в кандалы и определили в подземные работы наравне с уголовниками. Но вскоре Николай I, по совету генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, приказал собрать их под одну крышу, дабы обеспечить одинаковый режим, лучшую охрану и изоляцию во избежание вредного влияния на ссыльнопоселенцев и уголовных колодников. Для этой цели он даже ввел специальную должность коменданта Нерчинских рудников. Им стал 73-летний генерал-майор С. Р. Лепарский. В его распоряжение была выделена воинская команда, 185 человек.

К слову сказать, этим решением царь, сам того не желая, облегчил участь декабристов. Если бы они и дальше были разбросаны мелкими группами по глухим уголкам Забайкалья, то наверняка погибли бы. "Каземат соединил нас, — писал М. А. Бестужев, — он дал опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-хранителей (дам) соединил нас с тем миром, от которого мы были оторваны политической смертью".

До постройки специальной тюрьмы декабристы были собраны в Читинском остроге.

Возник вопрос: где строить тюрьму? Начальник Нерчинского горного округа Т. С. Бурнашев предложил Акатуевский рудник. Его поддержал Лепарский. Их не остановило то, что это место — одно из самых нездоровых в Забайкалье, яма, со всех сторон окруженная горами.

Декабристы до конца дней своих считали, что от Акатуя их спас Лепарский. В действительности это сделал Фролов. Было так: Лепарский уже приказал начать подвоз стройматериалов для будущей тюрьмы и одновременно возбудил ходатайство, в силу особенностей местности, увеличить команду охраны на 100 человек. Министерство Императорского Двора, желая избежать увеличения расходов на содержание "государственных преступников", обратилось за советом к П. К. Фролову. Чинам министерства было известно, что в молодости он около двух лет (1798–1800) провел в Забайкалье, руководя закупкой и доставкой свинца для своих заводов.

И Фролов предложил построить тюрьму при Петровском железоделательном заводе. Резоны привел такие.

“1. В сем заводе находится ссыльных несравненно меньше, нежели в прочих Нерчинских заводах.

2. Оный находится в стороне от главного тракта и окружен кочевыми бурятами, всегда чуждающимися ссыльных и преследующими их.

3. В недалеком расстоянии от завода находятся Верхнеудинск и Селенгинск, в которых находятся воинские команды, а в последнем — отряд артиллерии. В Верхнеудинске же есть и городовые казаки, число которых можно всегда уменьшить и содержать отряд казачий в самом заводе в случае, ежели надобность будет требовать... Такое сближение с местами, имеющими воинские команды, всегда подает скорейший способ усилить стражу.

4. Преступники будут употребляться в заводе на работы точно как в крепости, что нельзя сделать в руднике, где рабочие занимаются или под землею, или на поверхности; выходы из первой по множеству не удобны, а уход с последней возможен, особенно на Акатуевском руднике, где густые леса встречаются на первых шагах от оно́го”.

Фролов отметил также, что строительство тюрьмы при Петровском заводе обойдется дешевле, поскольку “железные и чугунные вещи, цена коих в смете назначена чрезмерно высокая, приготавливаются тут”, а “в лесу не встретится недостатка”.

Николай I, лично вникавший во все мелочи содержания декабристов, полностью согласился с ним. Так Петр Козьмич оказался причастен к судьбе декабристов. Чернит ли это его? Думаю, нет. Он ответил на запрос, только и всего, причем подсказал не худший для декабристов вариант...

Тюрьма строилась в большой спешке: из Петербурга торопили; торопил, как нетрудно догадаться, сам царь. Она была еще не совсем готова, когда 23 сентября 1830 г. декабристы, совершив 600-верстный переход из Читы, прибыли к месту своего заточения.

“Нас заперли в темных стойлах Петровского каземата”, — писал М. А. Бестужев. “Стойла” на самом деле были темными: слабый свет проникал в него лишь из коридора через зарешеченные оконца над дверью. Наружные окна царь разрешил прорубить только летом 1831 г. после “неумеренного ропота” жен декабристов.

Здесь декабристы провели большую часть срока своей каторги. Не в обиду будь им сказано, эта каторга не идет ни в какое сравнение со сталинским ГУЛАГом. Каждый декабрист помещался в отдельной камере площадью около 18 кв. м (всего камер было 64); семейным разрешали жить с женами. Княгиня Н. М. Волконская пишет в своих воспоминаниях: "В нашем номере (!) я обтянула стены шелковой материей... У меня было пианино, шкаф с книгами, два диванчика, словом, было почти что нарядно". А через год семейным вообще разрешили жить вне тюрьмы. После казенных работ декабристы беспрепятственно проводили время в научных занятиях, чтении, рисовании. Узникам ГУЛАГа такие порядки и присниться не могли...

Петровский каземат сгорел в 1866 г.

Петр Козьмич Фролов умер в Санкт-Петербурге 10 (22) декабря 1839 г. Там и похоронен. Вдова его Мария Ивановна не захотела оставаться в столице, вернулась в Барнаул, отсюда через некоторое время переехала в Змеиногорск на родину мужа, где и скончалась в 1857 г. Детей у них не было...